
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 316.34/.35:364.04

ББК 60.54+60.99

DOI 10.22394/1682-2358-2020-3-73-80

V.N. Yarskaya-Smirnova,

Director of the Scientific and Educational Regional Center for Monitoring Research, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

S.A. Grigorieva,

Sociologist of the Scientific and educational regional Center for Monitoring Research, Yuri Gagarin State Technical University

THE AGING CULTURE IN THE MODERN CITY CONDITIONS

The concept of aging culture as the modern paradigm of demographic and social processes is considered. The content of a new category of aging culture is analyzed. The necessity of creating conditions for prolonging the active life of the older generation, including the attitude of society to a third-age cohort, is substantiated.

Key words and word-combinations: aging culture, third age, elderly, active longevity, resource approach, attainability.

В.Н. Ярская-Смирнова, директор

Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований, доктор философских наук, профессор Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (email: jarskaja@mail.ru)

С.А. Григорьева, социолог

Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (email: grigoreyvas@mail.ru)

КУЛЬТУРА СТАРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА*

Аннотация. Рассматривается представление о культуре старения как современной парадигме демографических и социальных процессов. Анализируется содержание новой категории культуры старения. Обосновывается необходимость формирования условий продления активной жизни старшего поколения, в том числе отношение общества к когорте третьего возраста.

Ключевые слова и словосочетания: культура старения, третий возраст, пожилые, активное долголетие, ресурсный подход, достижимость.

Культура старения — актуальная проблема современной социальной теории, повседневной жизни и мировой практики. Сегодня очевидна необходимость поворота

* Поддержано РФФИ № 18-011-00562 и РНФ №18-18-00321.

к осмыслению социальных аспектов старения в русле социологии, теории и практики социальной работы, социальной демографии, культурологии. В системе общественных отношений возраст выступает в большей степени как социально конструируемый феномен, поэтому растущий интерес к качеству жизни старшего поколения обусловлен старением многих современных обществ. Глобальное старение населения уже давно выступает одним из главных демографических трендов.

Процессы увеличения доли и численности старшего поколения существенно влияют на социально-экономическое развитие тех государств, которые можно назвать «стареющими». Старение населения в XX и XXI вв. стало серьезным вызовом обществу, властям, системе социальной защиты, породило опасения и в то же время открыло новые возможности для пожилой когорты. При этом содержание феномена старения связано с формированием возраста старости как социального конструкта.

Естественно, стала актуальной проблема конструирования модели изменения жизненного курса в геронтологическом социуме; разработки механизмов активизации внутреннего потенциала пожилых, рекреационных, коммуникативных, образовательных практик социальной интеграции. В многоликом образе старения безусловно отражен широкий спектр взглядов, разнообразие культур и традиций. В свою очередь, их изменение происходит под влиянием экономических и технологических процессов, духовной зрелости культуры общества и демографических показателей.

Очевидна, наряду с упомянутыми объективными процессами в социуме, важность анализа индивидуального, психологического самовосприятия пожилыми своего возраста как социального конструкта. В результате возраст старения может быть определен как сложный многогранный социокультурный и социально-психологический конструкт. В условиях устойчивого старения населения определяются и специфические культурные потребности людей третьего возраста, предпочтения, установки на продолжение активной жизни, участие в социальных событиях. Глобальное старение населения, увеличение численности пожилой когорты порождают и новые коммуникативные требования реальности: возможности труда, занятости, обучения и досуга старшего поколения.

Обсуждение проблемы старения, модели активной и продуктивной старости, разумеется, возникло не вчера, а длится не одно десятилетие. Эти позиции продуктивного старения анализировались в работах таких известных ученых прошлых столетий и десятилетий, как З.Г. Френкель, И.В. Давыдовский, Т.В. Карсаевская, Л.С. Выготский, К. Мангейм, Э. Эрикссон, У.Б. Поднебесная, Ш. Айзенштадт, Э. Линдемманн, М. Мид, И. Розоу.

Данный социальный феномен приобретает статус культурной ценности, равноценного этапа в цепочке структурной организации возрастных этапов жизненного пути и места в социальном пространстве [1]. Традиционно комплексно и междисциплинарно осуществляют подходы к проблеме старения авторы работ научной школы социологии и социальной работы СГГУ [2; 3]. Историко-культурное постижение старости раскрывает свои смыслы в контексте конкретной мировоззренческой парадигмы.

Процесс и параметры старения изучались представителя различных научных направлений. Но сегодня, пожалуй, самое интересное размышление по проблеме старости представил Д.Дж. Троянски в книге «Старение в мировой истории» (Aging in World History) [4]. Теория активности Р. Хавигхарста и Дж. Маддокса настаивает на определенной принудительности активности. Это рассматривается в качестве нового стереотипа, исходя из которого, пожилому человеку необходимо находить ресурсы в себе и вовне для пролонгированной активности [5, с. 37]. Взаимосвязь прослеживается и в затянувшемся переходе к индустриальному обществу и урбанизированному типу культуры.

Основа новой идентичности новых старших заложена особым стилем поведения, образом жизни, специфической системой ценностей, формами межличностного общения [6, с. 83]. Именно поэтому в создавшихся условиях необходимо уделить особое внимание ресурсному потенциалу представителей старшего поколения: внутренним и внешним ресурсам пожилого человека, уровню здоровья и подготовленности общества. Речь идет о предоставлении пожилому необходимым ресурсам как средств поддержки, корреляции здоровья как условия свободы и привычного образа жизни.

Учитывая сложность исследуемого объекта, целесообразно ставить вопросы, которые способствуют выявлению взаимосвязей старения населения и старения общества [7, с. 9]. Происходящие изменения обусловили необходимость смены бывшей социокультурной парадигмы старения как симптома и выражения отмирания целого, а роли представителей старших возрастов — в контексте бремени, зависимости. К тому же трансформационные процессы идентичности пожилого человека часто начинаются с решения вопроса о продолжении или прекращении трудовой деятельности [8, с. 35].

Известный российский исследователь проблем старения И.А. Григорьева связывает решение данной проблемы с трансформацией институтов в интересах социального включения пожилой когорты. В связи с отсутствием необходимых навыков использования новых информационных технологий как барьера для включения пожилых в общество предлагаются специальные обучающие и образовательные проекты. Актуализируется отношение к пожилым людям в современном обществе, усиливается внимание к геронтологической проблематике в контексте сокращения межпоколенческой дистанции [9].

Распространено утверждение: «Подлинная, плодотворная, здоровая старость связана с принятием своего жизненного пути и старости как новой культурной реальности со своим особым этосом, направленным на постепенное завершение, исчерпание задач жизненной экспансии» [8, с. 127]. В рамках модели активного и продуктивного старения С. Биггз и И. Хаапала усмотрели, что она «...в определенном смысле нацелена на стирание отличий между возрастными общностями» [9, с. 47]. Оптимальными признаются модели поведения, виды активности, темп и прочие параметры социальной жизни молодежи и населения среднего возраста. По нашему мнению, неумение и нежелание поддерживать такой ритм жизни грозит пожилому человеку социальной изоляцией.

В культурное пространство все чаще попадают публикации, посты, авторы которых рассуждают о влиянии возраста и переменах, необходимых современным пожилым людям, рассматривая их не как борьбу со старостью, а время новых возможностей. У ряда исследователей возникают вопросы социально-философского и психологического содержания [10, с. 122], связанные с экзистенциальным основанием включенности пожилого в гонку активности. Возможна и иная постановка вопроса: влияют ли эти условия на возрастную эксклюзию и не выступает ли геронтофобия знаком современной культуры?

На основании социальной теории и эмпирических данных авторы представили инклюзивную культуру как стратегию государственных и общественных организаций, социальной политики, характеристику социальных и гуманитарных ведомств и их специалистов, а также самих российских граждан. В контексте профессиональной культуры, инклюзии по материалам интервью можно выявить отношение к когорте пожилых граждан. Авторы привлекают данные исследования в городском сегменте Астрахани, Волгограда и Саратова отношения горожан к этой маломобильной группе.

Отношение к старшему поколению — важнейший элемент культуры старения. Социальная среда задает модели поведения с пожилыми людьми, основанные на исторически сложившихся нормах и стереотипах в той или иной культуре, хотя понятно, что эти модели, как правило, зависимы от политических и макросоциальных процессов. Геронтологи выделили особенность современной культуры старения общества «снизу», при которой старение происходит за счет низкой рождаемости, а не за счет увеличения продолжительности жизни пожилых людей [11, с. 167].

Стереотипизация населения старшего возраста выступает одним из главных факторов эксклюзии. Данные проведенного исследования свидетельствуют о незначительном смещении к варианту ответа «скорее дружественно» в вопросе отношения общества к людям пожилого возраста по сравнению с другими возрастными категориями («дружественно» — 20,5% и «скорее дружественно» — 31%) [12, с. 29–32]. С тезисом, что «пожилым везде у нас почет», абсолютно согласны 25,3% опрошенных; скорее не согласны 26,9%. Почти у всех респондентов в окружении есть пожилые люди: среди гуманитариев — 90,8%, среди инженеров — 85,6%.

Респонденты утверждают, что предпринимаемых правительством и городской администрацией мер недостаточно для включения пожилых людей в жизнь города (38,6%). Данный вопрос вызвал затруднения почти у 25% респондентов [12, с. 32–33].

В существующих теориях старения (социальное освобождение, наименование, возрастная стратификация, активность, социальный обмен, развитие и непрерывность жизненного пути) феномен старения рассматривается весьма противоречиво — от понимания старости как периода дистанцирования от общества вплоть до борьбы за сохранение среднего возраста [13, с. 217].

Наступление пенсионного возраста стало предметом для дискуссии и анализа. *«Я считаю, что это действительно определено социальной группой,*

которая недопонимает иногда элементарных вещей» (информант Елена, 34 года) [12, с. 24]. Однако информанты обращают внимание и на личный выбор пенсионеров быть включенными в современную жизнь: *«Но есть и другие пожилые люди, которые в 70 и в 75 лет садятся за компьютер, изучают его. И все в порядке. <...> У нас рядом какое-то социальное заведение. Я вижу там каждое утро — раньше были только женщины, сейчас есть и мужчины — они там занимаются, ходят с этими палочками для спортивной ходьбы... это все равно зависит от человека, хочет он этого или нет. Не хочет, значит сидит и плачется»* (информант Татьяна) [12, с. 24].

Постепенно разрушаются стереотипы старости, транслирующие исключительно немощность и бесполезность после выхода на пенсию. Современное старшее поколение, становясь активным участником информационного пространства, быстрее разрушает стереотипы старения как увядающего периода жизни. Необходимо отметить, что для людей предпенсионного и пенсионного возраста активная, деятельная жизнь занимает среди значимых ценностей достаточно высокое место [14, с. 126].

Согласно результатам исследования, категория старения зависит от объективных, социальных, экономических и технологических параметров; с другой стороны, это огромный мир субъективных агентов — отдельных личностей, населения в целом, социальных групп и их духовной культуры. В современной жизни возросла необходимость признать существование специфического мира со своими ценностями и особенностями — мира пожилого человека. Для настоящего времени характерно формирование геронтокультуры как культуры личности [15, с. 30].

Это можно объяснить не только как культуру отдельного человека на третьем этапе его жизни, но и как культуру взаимодействующего с ним общества. Сюда можно отнести законы, особенности менталитета и межпоколенческих отношений, ценностей. Как культура жизни старость складывается при условии, что общество признает своеобразие жизни пожилых людей и создает специальные условия для такой жизни (пенсии, социальное и медицинское обслуживание, определенные законы, льготы, забота со стороны семьи) [16].

В российском социокультурном контексте эти особенности прибавляют остроту проблеме изучения формирующейся геронтокультуры. Становление позитивных социокультурных образов происходит в сложных условиях и противоречивых условиях, когда трансляция СМИ, социальная политика и реальные практики переживания старения различаются.

Поскольку старение как вариант продления жизни в прежнем режиме должен стать результатом индивидуального выбора, то успешной ресоциализацией пожилого человека можно назвать соблюдение прохождения и проживания всех жизненных этапов. С принятием и «проживанием» наступающих трансформаций наступает процесс укоренения человека в новой возрастной идентичности. Результатом такого процесса становится обретение новой для него ниши, а значит осваиваются и включаются в производство специфические ценности, формы общения, модели поведения в рамках данной возрастной

культуры. Однако, на наш взгляд, модель продуктивной старости учитывает желание пожилых когорт жить полноценной активной жизнью, для этого предпринимаются определенные меры социальной политики.

Рассмотрим концепцию достижения старшего возраста, основанную на недавних исследованиях жизненного цикла и свойственных ему переходов [16–19]. В данной концепции возраст и старение рассматриваются в контексте модели «больше, чем старики». Появилось стремление объединить два аспекта теории жизненного цикла: влияние макроистории и микроуровня, где действуют дискурсивные практики и представления о жизненном пути, которые и формируют личность [20, с. 146]. Такое понимание «возраста-как-достижения» основывается и на идеях антропологов, в исследованиях которых делается акцент на важность культурных и смысловых факторов.

Теоретики антропологического подхода и концепции «возраст-как-достижение» рассматривают людей в качестве активных, умелых создателей и пользователей культуры. В рамках концепции «возраст-как-достижение» осмысляются процессы, связанные с тем, как индивиды интерпретируют, организуют, приспособливают, создают и изменяют социальную структуру. Такое положение дает членам общества свободу в постоянном процессе производства, перформативности и достижения старшего возраста.

В современную культуру старения входят этика, эстетика, внедрение «моды на старость». В 2007–2015 гг. приобрели популярность работы фотографа Ари Сет Коэна с его стильными старушками Нью-Йорка; рекламы в глянцевых журналах Хеллен Миррен, Мадонны, Катрин Денев как возрастных моделей. Эти примеры стали ориентиром для общества, а влияние СМИ — сильным; мода на старость пришла в обычную жизнь.

Поскольку старение стало общемировой тенденцией, и большая часть доходов находится у поколения бумеров, то модному рынку стало необходимо адаптироваться к этой реальности. «Взрослеющий» рынок определил новое отношение к возрасту [21]. «Толерантность, бодипозитив и инклюзивность» стали важными социокультурными тенденциями, в рамках которых происходит развитие моды на старость.

Признаки этого глобального тренда имеются и в России. Так, в 2016 г. появилось единственное в России модельное агентство «Oldushka», которое работает исключительно с пожилыми моделями. Агентство родилось из фотопроекта омского фотографа Игоря Гавара, снимавшего стильных пожилых людей на улицах российских городов. Сегодня в Oldushka работают около пятидесяти моделей 45–80 лет.

Эта мода совпала с развитием цифровизации, все больше пожилых людей становятся обладателями аккаунтов в социальных сетях и выкладывают свои стильные фото. Такая тенденция характерна для горожан и существует параллельно с образом традиционной и милой нашему сердцу бабушки, которая печет пироги, ухаживает за внуками и ведет размеренный образ жизни.

Исторический путь от презрения до исчезновения понятия старости в смысле деградации показывает реакцию общества на то, как меняется продолжительность жизни. Однако, в развитии представлений о старости

социальное конструирование образа пожилого человека в условиях демографического старения осуществляется через оценку полезности навыков представителей старшего поколения. В предшествующие эпохи главная функция человека пожилого возраста заключалась в «трансмиссии» накопленного им жизненного опыта; сегодня доля пожилых людей приближается к трети населения, и на эту социально-демографическую группу также возлагается ответственность за поддержание устойчивого социально-экономического развития страны.

Задача создания культуры старения включает формирование благоприятных условий по увеличению включенности, инклюзии старшего поколения в социальную жизнь и становится в настоящее время приоритетной. Эффективность такой политики прямо зависит от людей, общества и государства, уровня готовности к активному взаимодействию. Только такая политика создает новую культуру старения. Освоение цифрового пространства, активный и прогрессивный характер жизни формирует оптимистичное восприятие старения, активности. Современную культуру старения формируют разнообразные важные элементы: культура личности; культура отношения общества; успехи социальной науки и прогрессивные СМИ, цифровой мир, активный образ жизни, творчество, интерес к искусству, науке, образованию, моде и красоте.

Библиографический список

1. *Овсянников Н.В.* Общественные представления о старости в пространстве культуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2016.
2. *Елютина М.Э.* Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 43–49.
3. *Чеканова Э.Е.* Социальные процессы старения: структуралистско-конструктивистский анализ. Саратов, 2004.
4. *Ромашова М.В.* Мировая история старения: от античности к современности // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 1 (36). С. 189–197.
5. *Роик В.Д.* Пожилые и стареющий социум России: выбор модели жизнедеятельности. М., 2016.
6. *Барсуков В.Н.* Оценка распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 4. С. 82–90.
7. *Кампос А.Д., Чебан А.Г.* Возрастная идентичность: вызов концепции активной старости // Клиническая геронтология. 2018. С. 9–10.
8. *Барсуков В.Н., Калачикова О.Н.* Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 34–55.
9. *Григорьева И.А., Келасьев В.Н.* Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 82–85.
10. *Лишаев С.А.* Возраст в истории европейской философии (историческое введение в философию возраста) // *Mixtura verborum* 2014: жизнь в параллельных мирах: философский ежегодник / под общ. ред. С. Лишаева. Самара, 2015.
11. *Бухер С.* Современные тенденции старения населения России // Вестник Российской академии наук. 2016. № 3. С. 215–223.

12. Инклюзивная культура горожан (Нижнее Поволжье) / кол. авт.; под ред. В. Ярской-Смирновой. М., 2019.
13. Розин В.М. Завершение жизни и культура старости // Культура культуры. 2017. № 1 (13).
14. Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 124–140.
15. Камнос А.Д., Фахрудинова Э.Р. Геронтофобия как обесценивание человека: социально-философский анализ // Клиническая геронтология. 2017. № 9/10. С. 32–33.
16. Gubrium J.F., Holstein J.A., Buckholdt D.R. Constructing the Life Course. Dix Hills, NY: General Hall, 1994.
17. Kohli Martin. Social Organization and Subjective Construction of the Life Course / Institute for Sociology, Free University of Berlin. January, 1986.
18. Mayer K.U., Muller W. The state and the structure of the life course, Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1986. P. 217–245.
19. Guillemard A.-M. The trend toward early labor force withdrawal and the reorganization of the life course: A cross-national analysis. Quadagno J., Street D. (eds.), Aging for the Twenty-first Century. New York: St. Martin's, 1996. P. 177–193.
20. Laz C. Act Your Age // Sociology of Power. 2019. Vol. 31 (1). P. 146–179.
21. Курашова А. Как модная индустрия избавляется от эйджизма (и зачем снимать возрастных моделей в рекламе своего бренда). URL: <https://incrossia.ru/understand/fashion/>